

Чжуан Чжун не ожидал, что дело примет такие масштабы. Группа учеников Императорской академии была заряжена энергией, как будто им вкололи адреналин, и каждый из них был полон боевого духа. В конце концов, он, отстающий в учебе, не смог вставить ни слова. Дело не в том, что другие ученики оттеснили его в сторону, а в том, что он был настолько ослеплен высокоинтеллектуальными рассуждениями этих отличников, что мог только отступить на второй план, молча поддерживая их.

Не зря говорят, что образованные мошенники - самые опасные: отличники, выпущенные на свободу, были просто нечеловеческой силой. Неудивительно, что император Цяньсин их подавил. Хорошо еще, что на этот раз они выступали за справедливость, иначе их произвол действительно доставил бы головной боли всему императорскому двору.

Действия Гуань Давэя оказались настолько неподобающими, что один призыв собрал сотни откликов. Появлялись все новые доказательства, и, в итоге, дело приняло такой размах, что Чжуан Чжун уже не мог его контролировать. Методы Гуань Давэя возмутили пылких учеников Императорской академии, которые и представить себе не могли, что он окажется настолько бессовестным. За свою карьеру он расследовал огромное количество дел, и результаты многих из них были сомнительными. Поначалу было лучше, но позже, в погоне за повышением и богатством, он пошел легкому пути, предпочитая взятки и скорость правде. Многие люди без связей и денег сильно пострадали от его действий. Во главе с учениками академии, эти простые люди объединились, чтобы свергнуть Гуань Давэя и добиться справедливости.

Как и следовало ожидать, ученики академии возглавили ученых и горожан, подавших коллективное обращение, что привлекло серьезное внимание чиновников и стало горячей темой при дворе. Одни считали, что ученики Императорской академии снова начали проявлять прежнюю наглость. А учитывая, что в их рядах были такие, как Хань Чуань - позор академии, чьи действия привели к убийству Юань Лянцзюня, многие полагали, что нельзя потакать таким выступлениям, чтобы не нарушать порядок.

Другие выступали против чрезмерного подавления, отмечая, что эти молодые люди являются будущей опорой государства. Если заставить их замолчать сейчас, как потом они смогут защищать интересы простого народа? Трусость порождает посредственность, создавая только бесхарактерных, беспринципных людей, лишенных убеждений. Более того, их утверждения были основаны на правде, и не были выдумкой. Подавление правды для сокрытия правонарушений равносильно их оправданию. Такая позиция не только оттолкнет учеников, но и разрушит веру народа в императора.

Некоторое время при дворе велись активные споры. Хотя окончательное решение о том, как поступить с совместным обращением, не было принято, ключевая фигура, Гуань Давэй, уже был снят с должности и предан суду. Не только его будущая карьера была разрушена, но и сама его жизнь висела на волоске.

Узнав о таком результате, группа учеников Императорской академии собралась в тот же вечер, чтобы отметить это вином. Их застолье породило немало знаменитых фраз, язвительных и остроумных, которые разошлись в народе. А репутация Гуань Давэя благодаря этим стихам стала вонять, как нечистоты, и даже его родственники стыдились показываться на людях.

Два дня подряд на утренних заседаниях императорского двора спорили об этом вопросе, и эти жаркие дискуссии вторили страстной борьбе учеников за справедливость простого народа. Однако император Цяньсин хранил молчание, и его истинные мысли оставались неизвестными, поэтому дебаты продолжались.

На сегодняшнем собрании решение так и не было принято.

Однако во дворце императора атмосфера была спокойной и безмятежной, в отличие от шума снаружи. Император Цяньсин был поглощен искусством чайной церемонии. Он измельчил чайные листья, перемешал пасту, добавил горячую воду и, наконец, одним движением венчика создал на поверхности нежный зеленый листок.

Евнух Ван Гао восхищенно воскликнул:

- Чайное искусство императора становится все более совершенным!

Однако император Цяньсин ответил:

- Какая польза от этого совершенства? Хуань-эр все равно не оценит.

В его голосе слышалась нотка обиды, как у ребенка, и не было ни капли императорского величия.

Фэн Хуань беспомощно вздохнул.

- Ваше Величество, вы не можете найти соперника для поединка в чайных церемониях и решили подразнить меня? Я в этом ничего не понимаю, провокации бесполезны. В вашем гареме бесчисленное множество красавиц, многие из которых искусно владеют чайной церемонией. Разве нельзя найти подходящего человека?

Император Цяньсин выглядел глубоко разочарованным. Он поднял чашку, чтобы насладиться ароматом, рассмотреть цвет и попробовать вкус чая, погрузившись в этот момент, прежде чем продолжить:

- Но кто из них осмелится продемонстрировать свое истинное мастерство в соревновании со мной? Скучно.

Фэн Хуань улыбнулся:

- Императрица была бы очень огорчена, если бы услышала эти слова Вашего Величества.

- Постоянно сражаться с ней скучно. Нужен еще кто-то, чтобы было веселее.

Фэн Хуань остался непреклонным:

- Этот человек точно не племянник, Ваше Величество, не стоит об этом думать.

- На высоте невыносимо холодно, - вздохнул с тоской император Цяньсин, а затем резко сменил тему. - Хуань-эр, что ты думаешь по поводу учеников Императорской академии?

- Разве император уже не принял решение? - Фэн Хуань и бровью не повел.

- Я спрашиваю твое мнение.

Фэн Хуань поставил чашку с чаем.

- Гуань Давэя нельзя оставлять безнаказанным, но и ученикам нельзя позволять делать все, что им вздумается. Боюсь, что недоброжелатели могут этим воспользоваться, как это случилось в прошлом. Ученики могут подавать жалобы, но кто-то должен нести за это ответственность.

- Чжуан Чжун один из твоих людей?

Фэн Хуань помедлил.

- В каком-то смысле.

- Он тот самый потерянный в детстве сын Вэньюань хоу?

- Да. В прошлый раз, возвращаясь в столицу после подавления бандитов, я встретил его по дороге. Именно от него я узнал о поддельных ранах, сделанных корой дзельквы. Позже, увидев, как он спас человека, закопав его в землю, я обратил на него внимание. Потом он раскрыл еще два дела. Когда Ваше Величество назначили меня в Верховный суд, я взял его с собой, - спокойно ответил Фэн Хуань, не проявляя никаких эмоций.

Император Цяньсин сделал глоток чая, подержал его во рту, смакуя, медленно проглотил, а затем сказал:

- Хотя Цзян Сюнь был зачинщиком, на самом деле все началось с этого человека.

- Все решает император.

Император Цяньсин пристально посмотрел на Фэн Хуаня.

- Ты не будешь заступаться за него?

Уголки губ Фэн Хуаня слегка дрогнули.

- Ваше Величество мудрый правитель. Вы сами знаете, как использовать талантливых людей. Его навыки в осмотре тел не имеют себе равных во всем Да Ю, и он честный человек.

Императору Цяньсину стало любопытно:

- Ему всего четырнадцать или пятнадцать лет. Где он этому научился?

Вспомнив, как серьезно ответил Чжуан Чжун тогда ответил на его вопрос, Фэн Хуань невольно улыбнулся.

- У Будды.

Император Цяньсин усмехнулся.

- Этот мальчик весьма интересный.

- Он мелочный, но у него широкая душа. В мире много необычных талантливых людей, некоторые от рождения преуспевают в определенных искусствах, в этом нет ничего удивительного.

Хоть император Цяньсин и проявлял интерес к Чжуан Чжуну, это ничего не значило, и вскоре он сменил тему:

- Императрица упомянула, что Сун-тайфэй занята вопросами твоей свадьбы. Уже выбрана подходящая кандидатура?

Фэн Хуань ответил без всякого энтузиазма:

- Все женщины одинаковы.

Император Цяньсин усмехнулся:

- Такие слова могут сказать только те, кто не знаком с женским очарованием. Наложницы могут быть пустыми игрушками, но законная жена должна быть по душе.

- Племянник понимает.

Император Цяньсин полушутя-полусерьезно пообещал:

- Хуань-эр, если ты найдешь ту, которая тебе понравится, даже если она будет нищей с улицы, я исполню твое желание и дам тебе разрешение на брак.

- Благодарю, Ваше Величество, - хотя Фэн Хуаню было все равно, он принял это обещание.

Император Цяньсин на мгновение замолчал, а затем пробормотал:

- Хуань-эр больше не называет меня дядей.

Взгляд Фэн Хуаня дрогнул.

- Это всего лишь обращение. Зачем из-за такой мелочи давать другим повод для пересудов и портить настроение?

Император Цяньсин тяжело вздохнул.

- Таков удел правителя - быть в одиночестве.

Фэн Хуань промолчал.

- Твой брак, Хуань-эр, - серьезное дело. Даже среди простого народа больше не практикуются браки вслепую. Как ты можешь жениться на ком-то, о ком ничего не знаешь? В этом году, после периода любования хризантемами, ты встретишься со всеми и тогда примешь решение.

Хотя Фэн Хуань согласился, на самом деле он не придавал этому значения. Какая разница, увидит он их или нет? В любом случае, ни одна из них ему не нравилась. Тогда лучше уж сделать так, чтобы угодить другим.

Но что, если он действительно полюбит кого-то...

Поток мыслей Фэн Хуаня на мгновение остановился. Он только сейчас понял, что никогда не думал об этом.

Дело с коллективным обращением учеников Императорской академии наконец решилось. Гуань Давэй был снят с должности, осужден и пожизненно лишен права занимать какие-либо официальные посты. Что касается ученика Императорской академии Цзян Сюня и ученика школы права Чжуан Чжуна, то им было запрещено сдавать императорские экзамены в течение пяти лет.

Такое наказание было чрезвычайно суровым для ученых, оно было равносильно черному пятну в их послужном списке. К тому же, столько еще таких пятилетий можно потратить впустую? Однако для Цзян Сюня и Чжуан Чжуна это не имело практически никакого значения. Несмотря на запрет на сдачу императорских экзаменов, они по-прежнему имели право сдавать экзамены на государственную службу. Цзян Сюнь, имевший высокие академические достижения, чтобы сделать карьеру все еще мог пойти по этому пути, не менее почетному, чем путь через экзамены. Если бы он провалил экзамены на государственную службу, императорские экзамены все равно не сулили ему больших перспектив, поэтому сожалеть было не о чем. Что касается Чжуан Чжуна, то для него это наказание было совершенно несущественным - он никогда и не планировал сдавать императорские экзамены.

Но это наказание выразило позицию императора и было предупреждением для учеников академии: доклады с обоснованными доводами будут рассматриваться, но не стоит полагать, что можно вести себя безрассудно, постоянно создавая проблемы или становится рупором для недоброжелателей.

Хотя решение было не идеальным, с ним все согласились. Ученики взорвались ликованием, снова собравшись, чтобы выпить и спеть, и их праздник сопровождался стихами, восхваляющими мудрость и величие императора.

Цзян Сюнь, на протяжении всего застолья сияющий энергией, избавился даже от намека на свою прежнюю мрачность. Он со всеми ладил, больше не отпускал язвительных замечаний и завоевал расположение учеников. Хотя ему запретили сдавать императорские экзамены в течение пяти лет, благодаря его бесстрашной приверженности общему благу, он заслужил глубокое уважение среди ученых, которые высоко ценили такие качества.

Чжуан Чжун тоже получил немалую выгоду от этой истории. Он поступил в школу благодаря наследственным привилегиям, поэтому сталкивался с повсеместным презрением. Даже если бы он занял высокую должность, он, вероятно, остался бы изгоем среди ученых. Но теперь кто не восхищался этим смелым молодым человеком? Хотя он и не мог сравниться с Цзян Сюнем, к нему стали относиться по-другому, не так пренебрежительно, как раньше.

Цзян Сюнь, совершенно пьяный, одной рукой обнял Чжуан Чжуна за плечи, тяжело навалившись на него.

- Чжуан Чжун, я так счастлив сегодня! По-настоящему счастлив!

Чжуан Чжун, однако, не был так же взволнован. Хотя Гуань Давэй теперь был отстранен от должности, но старые дела еще не были пересмотрены. Кто знает, сколько окажется невинно осужденных? Однако император Цяньсин не приказал Верховному суду пересматривать их. Только те дела, по которым пострадавшие присоединились к совместному докладу, будут пересмотрены. Гуань Давэй за годы своей работы раскрыл бесчисленное количество дел, обрабатывая их быстро и в большом объеме, что и принесло ему его репутацию. Чжуан Чжуну нужно было тщательно пересмотреть каждое из них, чтобы быть спокойным. Он не переживал, что это были дополнительные хлопоты, главным для него было не упустить что-то и не допустить ошибку. Однако как только начнется пересмотр дел, обязательно всплывут другие дела, и его будущий путь наверняка станет трудным. Дело Юаньцзюэ не продвигалось, и Чжуан Чжун чувствовал себя подавленным. Он сделал большой глоток вина.

Цзян Сюнь, не замечая мрачного настроения Чжуан Чжуна, пробормотал:

- Если бы Юань Лянцзюнь был здесь, он был бы счастливее всех. За все то время, когда мы соперничали, он никогда не видел меня таким.

В глазах Цзян Сюня читалось глубокая тоска и печаль. Будучи соперником Юань Лянцзюня так долго, теперь, когда тот ушел, он не чувствовал ожидаемой радости. В его сердце словно образовалась пустота. Он полагал, что их сражение будет длиться бесконечно, и не мог представить, что один уйдет с поля боя раньше времени.

Когда Чжуан Чжун вернулся в имение Вэньюань хоу, молодой слуга, прислуживающий хоу, подбежал к нему:

- Молодой господин, хоу-е просит вас пройти в кабинет.

С тех пор как Чжуан Чжуна отправили в школу права, он почти не видел Вэньюань хоу. Если они и встречались, то в присутствии других, и они даже не разговаривали. То, что его теперь вызвали в кабинет хоу, наверняка было из-за обращения императору.

Когда он вошел в кабинет, хоу сидел за столом с кистью в руке и упражнялся в каллиграфии. Надо признать, что хоу обладал поразительными чертами лица и его сосредоточенное выражение было довольно приятным для взгляда.

- Подойди и посмотри на мою каллиграфию.

Чжуан Чжун подошел. Иероглифы были действительно выполнены великолепно - изящные и свободные, обладающие характером. Таким письмом невозможно овладеть за один день. Однако рядом было изображение свирепого тигра, и общая картина выглядела неудачно.

Первое воплощало изящество бессмертного, а второе излучало подавляющие амбиции и свирепость, слишком несочетаемые вещи.

Чжуан Чжун заметил:

- Ваша каллиграфия великолепна.

- Каллиграфия и живопись неразделимы.

Чжуан Чжун честно ответил:

- Они не сочетаются.

Вэньюань хоу отложил кисть.

- Если живопись и каллиграфия не сочетаются, картина испорчена. То же самое верно и для поведения человека.

Чжуан Чжун понял упрек.

- Хоу-е считает, что я не должен был вмешиваться в это дело?

Вэньюань хоу ни подтвердил, ни опроверг его слова, а просто сказал:

- Чиновнику следует избегать чрезмерной резкости. Только путь умеренности гарантирует долголетие. Когда ты решил изучать право, я боялся, что ты станешь слишком строгим и честным, но я уважал твой выбор. Я и представить не мог, что это приведет к такому серьезному инциденту. Это свидетельствует о недостатке самообладания. Ты еще молод и не понимаешь, как устроен мир.

- Простите, но я не могу согласиться. Прежде чем быть чиновником, человек должен быть личностью, а личность должна иметь принципы. Если все будут потакать беззаконию, разве страна не погрузится в хаос? Чем дольше человек вроде Гуань Давэя остается у власти, тем больше душ он губит. Раз у меня есть способности, почему я не должен его свергнуть? Мысль о том, что его мучают бессонные ночи, приносит мне удовлетворение.

Вэньюань хоу не рассердился на это возражение.

- Иметь принципы - похвально, но ты воспользовался благосклонностью Сы Чжао-вана, чтобы попасть в Верховный суд. Если бы все пошло по плану, ты мог бы остаться там после окончания школы права. А теперь тебя, скорее всего, отправят в провинцию. Это крюк.

Чжуан Чжун не знал о таком повороте, но даже если бы знал, не пожалел бы.

- Это опыт. Запертый в четырех стенах, человек неизбежно сужает свой кругозор.

Вэньюань хоу бросил на него слегка оценивающий взгляд.

- Ты довольно амбициозен.

- Просто следую своему сердцу.

- Сердцу? - Ясные глаза Вэньюань хоу слегка затуманились. - Интересно, вспомнишь ли ты эти слова в будущем.

Чжуан Чжун не ответил. Чтобы он сейчас не сказал - это были лишь слова.

Вэньюань хоу вдруг резко сказал:

- Независимо от того, как ты будешь действовать в дальнейшем, не забывай, что сейчас ты сын Вэньюань хоу. Если твои действия будут неправильными, пострадает вся наша семья.

- Я всегда буду помнить об этом. Я тоже боюсь смерти, - честно ответил Чжуан Чжун.

Вэньюань хоу не хотел продолжать этот разговор, но Чжуан Чжун настаивал:

- Хоу-е, кто хотел убить меня?

На невозмутимом лице хоу мелькнула слабая тень, которая тут же исчезла.

- Беженцы.

- Если это были беженцы, почему Чжоу Тун так испугался, увидев татуировку?

Пронзительный взгляд Вэньюань хоу скользнул по нему.

- Ты тоже видел эту татуировку?

- Получается, она действительно что-то значит?

Вэньюань хоу прищурился, выражение его лица стало опасным. Чжуан Чжун встретил его

взгляд, не отводя глаз. Наконец Вэньюань хоу отвернулся.

- Твоего брата-монаха убили беженцы. Больше не спрашивай.

Чжуан Чжун пристально посмотрел на Вэньюань хоу.

- Когда хоу-е перестал следовать своему сердцу? Или у вас его никогда и не было?

Вэньюань хоу стоял неподвижно, не произнося ни слова. Он махнул рукой, отпуская Чжуан Чжуна. Не сказав ни слова, Чжуан Чжун развернулся и вышел.

После возвращения на занятия в школу права Чжуан Чжун не видел Вэньюань хоу. Позже встретиться стало еще сложнее, и от этого у Чжуан Чжуна были смешанные чувства. В этом мире нет простых людей. Простые люди рано умирают.

Праздник середины осени.

На праздник в имение пришла семья Чжуан Пина. У Чжуан Пина был только один сын, Чжуан Чжаоцай, который был женат уже пять лет, но не имел детей. Он взял несколько наложниц, в том числе одну вдову, у которой уже был ребенок, но ни одна из них не забеременела. Все смутно догадывались, в чем заключалась проблема, но открыто об этом никто не говорил. Просто Чжуан Чжаоцай каждый день должен был пить черный вонючий целебный отвар, который Цао Дахуа покупала неизвестно где.

Цао Дахуа привела с собой свою племянницу, Цао Лянь-эр, довольно симпатичную молодую девушку, нежную и утонченную. По прибытии Цао Лянь-эр сразу же начала провоцировать Инь Юэхань. Она с невинным видом все спрашивала, почему наложница сидит за одним столом с главной женой, разве не должна она прислуживать ей? Лицо Инь Юэхань краснело от злости, но она ничего не могла поделать. А Вэй Юйхуа была довольна и подарила Цао Лянь-эр в качестве подарка в честь прибытия браслет из павильона Линлун, самой известной ювелирной лавки столицы.

Из-за этой сцены за столом воцарилась неловкая атмосфера. Чжуан Чжун кое-как доел «праздничный ужин», извинился и собрался уйти, сославшись на то, что хочет посмотреть на фонари и посетить поэтическое собрание.

Но, когда Чжуан Цзюнь и Чжуан Сунин услышали это, они стали кричать, что хотят посмотреть на фонари. Даже у обычно серьезного Чжуан Су глаза сияли от эмоций.

Раньше Вэньюань хоу никогда не разрешал детям выходить смотреть на фонари. Фестиваль фонарей на Праздник середины осени в столице был чрезвычайно оживленным, но из-за

большого скопления людей вероятность несчастных случаев была очень высока. Каждый год во время фестиваля похищали детей, и многие из них были из богатых семей. Дети из богатых семей обычно были пухлыми и светлокожими, красивыми и очаровательными, в отличие от истощенных детей из бедных семей, которые не представляли большой ценности. В прошлом году, из-за большого количества пропавших детей годом ранее, император даже отменил фестиваль фонарей. Однако это вызвало недовольство у народа, которые говорили, что это все равно что выплеснуть ребенка вместе с водой. Развлечений было мало, и такие фестивали были особенно любимы и ценимы. Как можно было отказаться от них? Поэтому в этом году фестиваль возобновили, и он был еще оживленнее, чем в прежние годы.

Инь Юэхань, опасаясь несчастных случаев, не разрешала детям выходить в этот день. На самом деле, фонари в имении Вэньюань хоу были достаточно красивыми, но они не могли сравниться с оживленной атмосферой снаружи. Дети больше всего любили такие праздники, и, услышав от своих друзей, как прекрасен фестиваль фонарей, они уже давно хотели пойти.

- Если они хотят пойти, пусть идут, - сказал Вэньюань хоу.

Инь Юэхань изумленно воскликнула:

- Хоу-е!

Раньше, как бы не просили дети, хоу не уступал их просьбам. Почему сегодня он внезапно изменил свою позицию? Инь Юэхань с подозрением взглянула на Чжуан Чжуна.

- Возьмите больше охраны. Разве взрослые не смогут уследить за несколькими детьми?

Раз Вэньюань хоу принял решение, никто не мог ему перечить. Хоть Инь Юэхань и была против, ей оставалось только повести детей смотреть фонари, а Вэй Юйхуа осталась дома для проведения церемонии поклонения Луне.*

В отличие от радостных детей, Инь Юэхань выглядела озабоченной. Чжуан Чжун тоже не находил повода для радости. Перед отъездом Вэньюань хоу поручил ему присматривать за детьми, а сам отправился на поэтическое собрание во дворце в честь Праздника середины осени. Если все пройдет гладко, то ладно, но если случится беда, всю вину возложат на него.

Они еще не доехали до улицы фонарей, а уже попали в толпу. Их повозка остановилась у входа на улицу - дальше не пускали и можно было идти только пешком.

- А что, если мы потеряемся в этой толпе? Нет, нам действительно не стоит идти. Мы можем посмотреть на фестиваль из ближайшего ресторана.

Увидев толпу, Инь Юэхань еще больше засомневалась.

- Мама, Нин-эр хочет посмотреть на фонари! Иначе завтра эти мерзкие девчонки будут смеяться надо мной из-за того, что я ничего не видела.

Чжуан Сунин потянула Инь Юэхань за рукав, надув губы и капризничая. Сунин теперь ходила в школу, где учились дочери знатных семей столицы. Хотя они были еще малы, но уже всюю соревновались друг с другом.

Чжуан Цзюнь полез в объятия Инь Юэхань, и даже Чжуан Су смотрел на нее с надеждой. Перед лицом такого волнения детей сердце Инь Юэхань растаяло, как вода. Как она могла испортить детям праздник?

- Но вы должны пообещать, что не будете никуда убегать. Мы дойдем до моста Эньдэ и ни шагу дальше.

Трое детей кивнули в знак согласия.

Их сопровождали восемь охранников, три няньки и одна служанка, которые плотным кольцом окружили троих детей. Чжуан Чжун стоял с краю. Никто не думал включать его в безопасную зону, да и он сам не пытался туда протиснуться.

Вся улица была украшена прекрасными фонарями, их красота на мгновение ослепила даже Чжуан Чжуна. Они намного превосходили все фонари, которые он видел раньше, по великолепию и мастерству исполнения. В его время больше предпочитали массовое производство, ставя низкую стоимость выше изящества. Здесь же каждый фонарь был изготовлен вручную и отражал уникальное видение мастера, поэтому даже фонари одного типа выглядели по-разному.

Толпа стала плотнее, и безопасный круг стал менее надежным. Наплывающая волна людей легко разъединяла группы. Сначала Чжуан Чжун объяснял это большим количеством людей - в конце концов, здесь пятки почти касались пяток, что напоминало огромные толпы во время Праздника весны в его прошлой жизни. Было неизбежно, что люди толкались. Но потом он понял, что все не так просто. Хотя людей было много, улица была широкая, и такой давки не должно было быть. Просто иногда, без видимой причины, вдруг становилось особенно тесно, люди начинали толкать друг друга, и группу легко было разъединить.

Подозрения Чжуан Чжуна усилились, и он отвел взгляд от фонарей. Действительно, в толпе затесались несколько праздно ходящих мужчин. Каждый внезапный всплеск давки казался специально организованным ими.

Когда в результате одного из таких толчков группа Инь Юэхань в очередной раз разъединилась, подозрения Чжуан Чжуна подтвердились. Охраны было много, так что обошлось без происшествий, но Инь Юэхань была напугана. А когда Чжуан Чжун сказал, что на улице ходят люди со злыми намерениями, она решила немедленно вернуться домой, не обращая внимания на плач и протесты детей.

- Раз вы возвращаетесь, оставьте мне двух охранников.

Инь Юэхань вздернула подбородок и с презрением ответила:

- Хоу-е приказал этим охранникам защищать Су-гэ-эра, Цзюнь-гэ-эра и Нин-цзе-эр. Если с ними что-нибудь случится по дороге домой, ты сможешь взять на себя ответственность?

Чжуан Чжун знал, что Инь Юэхань недолюбливает его, но он не ожидал, что она не станет соблюдать даже видимость приличий. Он не видел смысла спорить и отказался от этой идеи. У него были другие союзники, и ему не нужно было полагаться исключительно на людей из имени Вэньюань хоу. Однако он чувствовал, что назревают неприятности, и хотел иметь помощников. Поэтому ему нужно было найти семью Лу. Они тоже должны были приехать сегодня, он уже договорился встретиться с Лу Баланом. Семья Лу казалась гораздо более способной, чем эти охранники.

Чжуан Чжун стал пробираться к оговоренному месту встречи. Толпа становилась все гуще, и легко можно было быть унесенным потоком. Наступила еще одна волна, на этот раз особенно сильная. Чжуан Чжун поддержал молодую девушку рядом с собой, которая чуть не упала. Ее щеки покраснели от смущения. Не дождавшись, пока она поблагодарит его, он отпустил ее и поспешил дальше. Девушка топнула ногой, и ее сердце наполнилось сожалением.

Чжуан Чжун не сводил глаз с крепкого мужчины, ловко пробирающегося сквозь толпу. Мужчина нес на плече мешок, что выглядело явно подозрительно. Когда крепкий мужчина двинулся в сторону, где было меньше людей, Чжуан Чжун последовал за ним. Несколько мгновений назад Чжуан Чжун ясно видел, что мужчина был без мешка, но среди бурлящей толпы мешок внезапно появился у него на спине. И это был не маленький мешок.

Мужчина, двигаясь очень быстро и явно хорошо зная путь, свернул в переулок. Чем дальше они уходили, тем меньше становилось людей. По спине Чжуан Чжуна пробежал холодок, и он не осмелился преследовать его дальше. Он сделал вид, что справляет нужду у стены, и, посвистывая, осмотрелся. Краем глаза он заметил несколько фигур, скрывающихся за поворотом.

Зная, что не стоит действовать опрометчиво, Чжуан Чжун, напевая, вернулся на улицу фонарей.

Чжуан Чжун давно слышал рассказы о похитителях детей, которые каждый год появлялись на Фестивале фонарей и похищали множество детей. Хотя некоторых удавалось найти, большинство детей до сих пор оставались пропавшими без вести, а преступники так и не были найдены. Ежегодно выставлялись дополнительные патрули, но похищения продолжались. Казалось, действовала какая-то особо опасная шайка, которая не оставляла никаких следов. Были даже сообщения о стражниках, которых жестоко избивали и бросали на улице. Дерзость этих бандитов не знала границ.

Хотя Чжуан Чжун обладал некоторыми навыками, он был далек от того, чтобы быть великим

мастером боевых искусств, способным в одиночку сразиться с толпой. Он не хотел, не успев никого спасти, погубить и себя.

- Чжун-гэ, сюда! - Позвал издали Лу Балан своим зычным голосом. - Ты чего так долго? Мы тебя заждались!

Семья Лу пришла большой толпой, и все были под стать друг другу - крепкие и внушительные. У каждого мужчины на плече сидел ребенок.

Чжуан Чжун поклонился, а затем поспешно обратился к Лу Фэну:

- Дядя, я только что заметил подозрительного человека. Вероятно, это был похититель.

Он рассказал все, что видел. Женщины были глубоко обеспокоены. Первая тетя предупредила:

- Чжун-гэ, в следующий раз не будь таким безрассудным. Эти похитители не обычные люди. Уже сколько пострадало от них!

Лу Фэн, наоборот, похвалил Чжуан Чжуна за смелость и сообразительность:

- То, что Чжун-гэ сейчас здесь, цел и невредим, показывает, что он рассудителен. Я немедленно пошлю людей на поиски. Ты помнишь тот переулок?

Чжуан Чжун кивнул.

- Помню. Только сейчас они, наверное, уже скрылись.

Торговцев детьми ненавидели больше всех. В каждой семье есть дети. Разве легко вырастить их? Но их похищают, навсегда разлучая с семьей. Как тут не горевать?

К сожалению, когда Чжуан Чжун привел стражников в нужный переулок, негодяи уже давно исчезли без следа.

Начальник розыска зло проворчал:

- Год за годом одно и то же. Люди замечают этих похитителей, но они либо ускользают, либо избивают до полусмерти того, кто за ними следил, так что тот не успевает ничего никому сообщить.

- Твою мать! Эти ублюдки думают, что могут действовать безнаказанно! Как они смеют бесчинствовать под носом у императора! - Рычал Лу Фэн, кипя от ярости, желая выследить

этих негодяев и разорвать их на куски.

Чжуан Чжун был озадачен.

- Они похищают детей, чтобы продать их. Учитывая шумиху, они не осмелятся остаться в столице и перевезут их в другое место. Им нужно выехать из города. У ворот или на пристани тоже ничего не нашли?

Начальник розыска кипел от возмущения.

- Скорее всего этим детям не больше семи-восьми лет. Они же не вещи, они должны издавать звуки. К тому же, в любое время при выезде из столицы людей с детьми тщательно проверяют. Но ничего не находят. Неизвестно, как они вывозят их из города.

Людей было мало, а у похитителей был огромный опыт. Они никогда не появлялись там, где было много стражников. В этом мире не было телефонов, и даже если стражник замечал что-то подозрительное, он не успевал быстро позвать подмогу и люди успевали скрыться, а преследовать их в одиночку бесполезно, учитывая их количество. Поэтому похитителям всегда удавалось уйти.

В этот момент подбежал стражник и что-то сказал начальнику. Тот вскочил и выругался:

- Пятерых украли за это время! Проклятые негодяи! Если я их поймаю, то сдеру с них шкуру!

Остальные тоже злились, но были бессильны.

Лу Фэн нахмурился.

- Чтобы поймать этих людей, нужно использовать приманку.

Начальник розыска вздохнул:

- Мы уже пробовали. Их трудно заманить. Мы брали попрошайек, они в основном грязные и тощие, поэтому похитителям они не интересны. А если кто и попадался на это, то ребенка все равно похищали.

- Это потому что приманка плохая, - холодно фыркнул Лу Фэн.

Начальник розыска хоть и не согласился, но признал, что смысленные уличные попрошайки не хотели в этом участвовать. А те, кто соглашался, в основном были глупыми и бесполезными, чтобы передать сообщение после похищения. Да и что может маленький ребенок, даже если он

умный?

К удивлению всех, Лу Фэн заявил:

- На этот раз приманкой будет мой Сяобао.

Услышав это, все широко раскрыли глаза от удивления.

Примечания:

* Церемония поклонения Луне - эту церемонию проводят женщины, прося счастья и благословения. Во время обряда на алтаре расставляются лунные пряники, свежие фрукты, благовония.

<http://bllate.org/book/14926/1583747>